

6. Милостная Л.И. Деятельность партийных организаций Урала по развитию профессионально-технического образования в 1928-1932 годах // Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по развитию народного образования и культуры. Свердловск, 1978. С.23.
7. ЦДООСО. Ф.4. Оп.11. Д.198. Л.83.
8. ГАТО. Ф.1785. Оп.5. Д. 96а. Л.2.
9. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.109. Л.44об.

**Ильиных И.В.
(Нижний Тагил)**

**Ритуалы «политического послушания»:
чистки советского аппарата на Урале на рубеже 1920-1930-х гг.**

На рубеже 1920-1930-х гг. партийно-государственное руководство страны для установления политического контроля над населением, наряду с организацией обязательных ритуалов «политического послушания» (участия в митингах, демонстрациях, отчетно-выборных собраниях, разучивания официального властного языка, усвоения необходимого минимума идеологической литературы) активно использовало и альтернативно-этические формы, выявляющие степень лояльности гражданина властям. Одним из наиболее распространенных ритуалов «со - участия» являлись чистки советского и партийного аппарата, связанные с «внедрением» в политический дискурс методов «идеологической критики» и самокритики.

Официальной мотивацией проводимых кампаний по чистке являлось стремление задать производственному коллективу или его отдельному представителю импульс для дальнейшего роста, акцентировав через призму общественного мнения внимание на их профессиональных, личностных, идейных недостатках. Руководство страны, в стремлении формировать принципиально иную генерацию «строителей социализма», настаивало на том, что способность критиковать себя – неотъемлемая черта «нового человека».

Согласно «Обращению ЦК ВКП(б) ко всем членам партии, ко всем рабочим о развертывании самокритики» от 2 июня 1928 г., опубликованному в «Правде», кампании по чистке одновременно развивались на «советском, профсоюзном и партийном фронтах» (1). Партийно-государственное руководство, акцентируя внимание на негативных моментах в реализации социально-политического курса развития страны («бюрократизме государственного аппарата; его громоздкости, косности, волоките; сохранении остатков чиновничьего аппарата; недостаточно быстром втягивании населения в действительное управление государством и хозяйством») провозглашало основные цели проведения кампании, к которым относились: «вскрытие» и исправление недостатков и ошибок в партийной и советской работе, усиление

творческой активности масс, их коммунистическое воспитание и широкое привлечение к управлению государством (2). В реальности декларируемые цели кампании были существенно трансформированы под воздействием как объективных социальных и экономических условий, так и субъективных качеств участников политического диалога.

Законодательно решение о проведении чисток советского аппарата было обосновано в постановлении ВЦИК «О выборности и сменяемости советского аппарата» и постановлении пленума Уральского областного комитета ВКП(б) «О чистке советского аппарата», в которых с использованием специфической бюрократической лексики советской эпохи провозглашалась задача «чистки советского аппарата от чуждых элементов, не способных или не желающих проводить на деле генеральную линию партии», акцентировалось внимание руководителей на необходимости «приспособить весь государственный аппарат к потребностям социалистического строительства путем установления действительной постоянной неразрывной связи советского государственного аппарата с массами трудящихся» (3). Объявленная задача сводилась, в конечном итоге, к исключению из реального политического пространства той части руководителей и сотрудников аппаратов, которые не укладывались в своей деятельности в жесткие рамки требований, предъявлявшихся к государственной номенклатуре.

Реальные причины «вычищения» завуалировались общераспространенными идеологическими клише. Неудобных и провинившихся обвиняли в бюрократизме, волоките, растрате, половой и моральной распущенности, уклонении от генеральной линии партии, служебных и должностных преступлениях. Всего на январь 1931 г. по Уральской области из советских, хозяйственных, кооперативных органов был исключен 6921 сотрудник, в том числе из низового звена аппарата 4806 человек, взамен которых в советский аппарат было выдвинуто 1620 человек, в том числе рабочих с производства – 1100 (4).

Контроль за ходом чисток осуществляли партийные органы, ответственность же за успешное проведение чисток советского аппарата, в соответствии с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 17 июня 1929 г. «О партийном руководстве чисткой советского аппарата», возлагалась на руководителей учреждений (5). В реальной практике это порождало тупиковую ситуацию: осознавая собственную «декоративную» роль при проведении чисток, региональные советские руководители пассивно относились к кампании, что служило новым предлогом для критики. Основным объектом проведения кампаний становились советские учреждения, где действовали специально созданные рабочие бригады по чистке, присылаемые с производства. К работе в этих группах активно привлекалась молодежь, по мнению руководства страны «не отягощенная грузом дореволюционного прошлого» (6). Согласно инструкциям о порядке проведения чистки, состав комиссий со-

действия (10-20 человек) должен был включать 75% рабочих от станка и не менее 40% беспартийных граждан, членов ВЛКСМ и женщин (7). Судебные органы и прокуратура, имевшие компрометирующий материал, собранный в ходе «ежедневного надзора над биографией», должны были предоставлять его в РКИ для переадресации членам комиссий содействия по индивидуальной проверке. Вторичными источниками сбора информации о сотрудниках советских учреждений, попавших под «огонь самокритики», являлись заявления, анкеты, автобиографии. Рабочим бригадам было дано четкое указание при составлении заключения о каждом работнике избегать клише («чуждый элемент», «извращает линию партии», «бюрократ»), а предоставлять его подробную характеристику на основании собранного материала.

На заключительном этапе кампании проводились производственные или общие собрания, на которых применялся так называемый метод критики или самокритики. Собрания по чистке сохраняли черты особого ритуала, в ходе их проведения использовался специфический язык, алгоритм и стилистическое оформление. Интересное сравнение самокритических выступлений с обрядами средневековой инквизиции приводят Б.Штудер и Б.Унфрид, отмечая, что главным отличием чистки от церковного ритуала исповеди, где главным результатом являлась не кара за содеянное богохульство, а обращение еретика в истинную веру, служил публичный характер кампании, а также «посюсторонность» верховного судьи, роль которого выполнял коллектив (8).

Поскольку чистки советского аппарата проходили в традиционной для советского государства форме массовых кампаний, то в полной мере отражали все их недостатки: формализацию процесса, бюрократизацию, ритуальность, идеологическую зашоренность. На страницах газет регулярно публиковались карикатуры, «высвечивающие» эти стороны кампании, препятствовавшие, по мнению партийных идеологов, повышению их эффективности.

Осознавая необратимость появления негативных общественных настроений партийно-государственное руководство пыталось акцентировать внимание на специально конструируемом феномене советской действительности - методе «самокритики». Для проведения массовой агитационной кампании необходимо было выяснить действительное отношение населения к возможности «самокритических обличений», для чего Уральским областным статистическим комитетом было проведено исследование, направленное на выявление отношения населения к самокритике. Анализ разосланных анкет, проведенный работниками комитета, позволял в целом говорить о распристраненности мнения о «полезности самокритики, вскрывающей большие места» (9). Условием ее успешности, по мнению респондентов, являлось участие в кампании всех рабочих. В этом случае, как отмечали сами анкети-

руемые, «уходила боязнь самокритических выступлений, все чувствовали за спиной твердую опору».

Выводы исследования, проводимого по специальному заказу Уральского обкома ВКП(б), изначально не могли быть репрезентативными, поскольку тематические блоки вопросов анкет были ориентированы на позитивную оценку проводимой кампании. Спорность итогового заключения исследования подтверждает также нерепрезентативность выборки и характер заполнения анкетных бланков. Так, на Верхнетуринском заводе, ВИЗе, было полностью оформлено только 5% присланных анкет. Точка зрения швейцара Уралмета, принесшего незаполненную анкету и прокомментировавшего свои действия словами: «возьми свою анкету, я ее заполнять не буду, мне служба дороже, а недостатки я нутром своим переживу и говорить о них не буду», была распространена и на других промышленных объектах области и может быть охарактеризована как типичная (10).

Анализ анкет позволяет определить и основные причины негативного отношения уральцев к кампании по «самокритике». Одной из основных предпосылок нежелания участвовать в мероприятиях являлась боязнь штрафных последствий (рабочие апеллировали к случаям «гонений», отмечаемым на Миньярском и Надеждинском заводах, «Уралсепараторе»).

Существенно влияли на отношение к кампании по самокритике слухи, распространяемые среди городского населения. Например, горожан циркулировало мнение, что хотя кампания и проходит под лозунгом самокритики, но если начнешь критиковать работу Совета, то попадешь в милицию, как гастролер - кукольник, спевший лишнюю песенку о Горсовете (11).

Социальная реальность периода первой пятилетки существенно трансформировала первоначальный замысел руководства государства. Изначально критика и самокритика презентовались как взаимообусловленные процессы, способствовавшие дальнейшему росту руководителя и советского служащего путем выявления недостатков с помощью привлечения общественного мнения. На деле эти кампании выступали удобным рычагом удаления самостоятельных и неблагонадежных «лиц», способом сведения личных счетов или собственного продвижения по карьерной лестнице за счет «низвержения» конкурентов. В кулуарных разговорах часто возникал ироничный вопрос: «Против кого сегодня будет направлена твоя самокритика?» (12).

По сути кампании по самокритике способствовали формированию тактики индивидуального выживания. Постепенно складывавшаяся подсистема страха формировала в качестве одного из составных элементов «Я-образа» появление ощущения социальной незащищенности перед режимом, неустойчивости своего положения. В интересах самосохранения следовало вовремя «разоблачить замаскированного врага», ибо отсутствие этого желания грозило обвинением в пособничестве. В то же время чрезмерная активность была чревата политическими обвинениями, потерей имевшегося статуса.

Как отмечено в письме служащего железной дороги, присланного в «Рабочую газету», «чрезмерно активных» обвиняли в «невыдержанности»: «если добиваешься правды, то склочник и ходи без работы, если пьешь за столом, а не под одеялом в кровати, то это твоя болезнь, и если ты не способен преклоняться и молчать перед прохвостами, как беспартийными, так и партийными, то ты «невыдержанный» и точка» (13).

Обратимся к характеристике отношения населения к значению и содержанию чисток. Анализ протоколов собраний по чистке и материалов периодических изданий позволяет выявить целый спектр индивидуальных моделей поведения и вариантов личного восприятия кампаний по чистке, что не позволяет говорить о доминировании какой-то определенной линии общественного поведения и общественного мнения. В условиях перманентного политического контроля население было вынуждено постоянно балансировать при выборе определенной тактики поведения, часто меняя их и приспосабливаясь к политическому контексту.

Прежде всего, жители городов и заводских поселков воспринимали чистки как механизм индивидуального выживания, руководствуясь следующей моделью поведения: если ты не проявишь активность, ее проявят против тебя. На собраниях граждане старались продемонстрировать активность и лояльность, чтобы пресечь обвинения в собственный адрес. Для того чтобы застраховаться от возможных карательных санкций, получить от власти необходимый минимум прав, требовалось доказать собственную благонадежность. В то же время необходимо было выработать точную линию поведения, не «перегнуть палку», избежать «излишнего активизма», чтобы не быть обвиненным в «склочности и отсутствии пролетарской солидарности». В этом случае «соглашательская» стратегия была наиболее эффективна и часто использовалась населением, что прослеживается в воспоминаниях участников собраний по чистке.

Организация кампаний по чистке советского аппарата порождала замкнутую по своей динамике ситуацию: наказывая «виновников», которыми чаще всего становились руководители низшего ранга, власть, с одной стороны, удовлетворяла чувство «социальной справедливости», характерное для советского общества, но, с другой стороны, обостряла и без того напряженную социальную атмосферу, «вращивая» чувства общей подозрительности, недоверия, страха, закрепляя в поведении населения индивидуальные тактики выживания.

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1970). Изд.8-е, доп. и испр. Т.4 (1927-1931). М, 1970. С.94-98.

2. Там же. С.94-95.

3. Бюллетень Уралобкома ВКП(б). 1930. № 12-13. С.25-27; Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф.Р-21. Оп.1. Д.870. Л.6.

4. Отчет о деятельности Уралоблисполкома за 1927-1931 гг. Свердловск. 1931. С.168-171; Винниченко О.Ю. Советы Урала в механизме тоталитарного государства. 1929-1941. Курган, 2001. С.123.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.8341. Оп.1. Д.20. Л.11.
6. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998. С.45.
7. НТГИА. Ф.Р-21. Оп.1. Д.1028. Л.3.
8. Ватлин А.Ю. – Б.Штудер, Б.Унфрид. Кадры сталинской партии. Практика и дискурс самоидентификации в Советском Союзе 1930-х годов // Вопросы истории. 2004. №6. С.174.
9. ГАРФ. Ф.5469. Оп.13. Д.609. Л.7об.
10. ГАРФ. Ф.5469. Оп.13. Д.609. Л.7.
11. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф.Р-122. Оп.3. Д.4. Л.73.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф.4. Оп.7. Д.77. Л.120.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАС-ПИ). Ф.610. Оп.1. Д.195. Л.214.

Козлов С.А.
(Тюмень)

Теория вожества в контексте скифской истории (На материалах VII – начала IV вв. до н.э.)

В последнее время вырисовывается новая, в высшей степени сложная и многообразная панорама переходов от догосударственного состояния к раннегосударственному у самых разных народов, что побуждает и античников, и медиевистов вновь рассмотреть эту проблему на своём, казалось бы, давно и солидно изученном материале. Несомненно, поднятая проблема имеет общеметодологическое значение. Наша реконструкция, носящая сугубо гипотетический характер, продиктована интересом скифологов к проблеме становления государства у скифов. Ибо применительно к кочевым обществам проблема государства должным образом не прояснена и нуждается в новом обсуждении.

Вопрос о времени возникновения государства у скифов чрезвычайно дискусионен. Разработку этой темы начал *А.С. Лаппо-Данилевский*, который полагал, что скифы были народом варварским, но находившимся близко к цивилизации. *М.И. Ростовцев* считал, что уже в ранний период у скифов существовала мощная держава. Историки античности *В.Ф. Гайдукевич*, *С.А. Жебелёв* полагали, что государство у скифов возникло лишь в III–II вв. до н.э. Археологи *Б.Н. Граков*, *А.И. Мелюкова*, *М.И. Артамонов* и их последователи считали, что скифское общество до V в. до н.э. было военно-демократическим с преобладанием кочевых форм быта; в V в. до н.э. сложи-